

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЛНЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ I (1722—1724 гг.)

Хранящиеся в ЦГАДА дела Правительствующего Сената и Кабинета Петра Великого содержат интересные сведения о неизвестных волнениях 1722—1724 гг. при Петре I, связанных с введением подушной подати и дальнейшим усилением крепостнического гнета.

В протоколах Сената за 1722 г.¹ упоминается о появлении «воров и разбойников» (беглых крестьян.— В. Л.) в Смоленской губернии. Из донесения 20 февраля 1722 г.² из смоленской губернской канцелярии известно, что в январе этого года появились «разбойные ватаги человек по пятьдесят» и производили нападения на поместья. При попытке задержать «ватагу» они («воры». — В. Л.) «побежали за литовский рубеж» в Мстиславское воеводство, в местность Голынскую и разгромили поместья шляхтичей Станкевича, Злотовского, Кураша. Карательный отряд драгун и солдат под командованием поручика Чаплина сумел задержать несколько человек. Из допроса «воров» — беглых крестьян Константина Григорьева с двумя сыновьями — выяснилось, что атаманом у них был беглый из Смоленской губернии «Васька Заяц с братом», а ватагу составляли «другие беглые, рекруты и солдаты».

Нападения «воров» продолжались. Они напали на вотчину Старую боярщину в 15 верстах «от рубежа» и вотчину Дуброво. Смоленская губернская канцелярия потребовала от Юстиц-коллегии указа о посылке из Военной коллегии карательного отряда во главе с обер-офицером «для искоренения воров».

Волнения крестьян происходили в Московской и Нижегородской провинциях³. По приказу Сената Военной коллегии было велено «для истребления воров» около Москвы послать московскому вице-губернатору решение организовать из «батальонов Лефортовского и Бутырского полков» отряды в 20—30 человек во главе с офицером. Эти карательные отряды были разосланы «для безопасного проезда всякого чина людей» по Можайской дороге от села Вязьмы до села Кубинского. Местным властям было приказано «по дороге лес расчистить в ширину на сто сажень и на болотах мосты построить»⁴.

В Нижегородской провинции (1722—1724 гг.)⁵, «по Волге и Оке реками и сухим путем чинились многие грабежи и разбои». Нижегородский воевода просил присылки

¹ ЦГАДА, Сенатские дела, Протоколы 1722 г., л. 221.

² Там же, Дела Сената по Военной коллегии, кн. 12/383, лл. 457—460.

³ Там же, (д. 494), стр. 357.

⁴ Там же, кн. 494, л. 458.

⁵ Там же, кн. 9/380, лл. 330—346.

военной помощи для усиления городского гарнизона, так как солдаты нижегородского гарнизона почти все были разосланы для борьбы с «ворами» и в Нижнем «офицеров и солдат малое число». Особенно беспокоила нижегородские власти активизация «разбойных ватаг» по дорогам во время всероссийской Макарьевской ярмарки⁶.

Указ Петра I о создании и размещении полковых дистриктов был своеобразной реакцией на усиление классовой борьбы и ставил задачей обеспечить уплату подушной подати в непослушных районах.

* * *

В июне 1722 г. возникло доселе не известное в литературе волнение «градских и уездных людей» в сибирском городе Тара. Поводом для него было оглашение известного указа Петра I (27 марта 1722 г.) «о наследственном уставе», по которому было велено «как духовного, так и военного и гражданского без изъятия всякого чина людям кроме крестьянства присягу чинить»⁷. Главной же причиной волнения было недовольство «градских и уездных людей» налоговым крепостническим произволом местных властей.

Первым к присяге были приведены «градские и уездные люди» в Тобольске. В другие сибирские города с той же целью были посланы «нарочные обер и ундер офицеры». В Тару был послан унтер-офицер Иван Островский. Первым известием из Тары было письмо судьи Верещагина, сообщавшее, что «тарские, градские и уездные люди к присяге не пошли и возмутились». В письме назывался виновником непослушания тарских жителей местный казачий полковник Немчинов. Немедленно из Тобольска сибирским губернатором князем Черкасским для подавления «возмущения» в Таре были посланы сухим путем триста солдат с офицерами и водным путем двести человек «татар служивых». Во главе посланных был поставлен лейб-гвардии капитан Батасов, имевший предписание составить «экстрахт»⁸ о ходе подавления «возмущения» в г. Тара. Из экстракта узнаем, что по прибытии в Тару Батасов немедленно арестовал и выслал в Тобольск для допроса ямщика Зубова, казачьих детей Дмитрия Красноярова, Олексея Маладовского, Ивана Сумашанова. На допросе присланные рассказали, что в Таре все «градские жители и конные казаки, сотские и пятидесятники присягу не приняли». Приглашенные в церковь после зачитания царского указа подняли крик; казачий полковник Немчинов подал ответное письмо «от всего народа» и просил коменданта Глебовского разрешить подьячему прочитать его вслух всем присутствующим. Письмо содержало отказ от присяги. Тогда комендант приказал очистить церковь от народа. Собравшиеся («оной полковник Немчинов и за ним весь народ») с шумом и криком покинули церковь.

Батасов по прибытии в Тару должен был арестовать Ивана Немчинова и других, кто «к присяге не пошли», и держать их «за крепким караулом и беречь, чтоб они себя не умертвили». Было приказано на допросах начальников «не пытаться», остальных «пытать, только не жестоко, чтоб от жестокой пытки не померли».

Вскоре тобольскому губернатору князю Черкасскому фискал Замощиков предъявил две отписки, присланные из Тары тамошним фискалом Шитинковым. Отписки вскрывают истинную причину волнения тарских жителей: «смятение» произошло от «насилий и неправд» коменданта Глебовского.

Между тем тарский комендант Глебовский, стараясь выслужиться перед начальством, прислал в Тобольск новых арестованных — Якова и Алексея Шараповых, якобы непристойно выражавшихся о царе. После допроса и пытки арестованные показали, что полковник Немчинов, пятидесятник Иван Жадков, дворяне Чернецовы и «другие многие» «советовались не идти к присяге» и если их попытаются арестовать, то остальным участникам сговора их «не выдавать... дратна дубьем». Дело дошло до осады укрепленных

⁶ Источники свидетельствуют о неповиновении в этот же период мордвы и других народностей, отказавшихся принять христианскую веру в Симбирской и Пензенской провинциях (там же, д. 12/583, 1722, л. 5).

⁷ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II разд. 1722, кн. 3, лл. 419—450.

⁸ Там же, вх. 1722, кн. 3; лл. 440—450. Экстракт был отослан в Военную коллегию 11 июля 1722 г.

дворов Немчинова и его сообщников, грозивших, что «ежели будут штурмовать и они зажгут дома свои и сами згорят».

Спустя некоторое время четверо тарских дворян вышли из своих дворов и принесли присягу, через неделю сдались еще три двора (49 человек). Полковник Немчинов «с товарищи», томимые голодом, не желая попасть в руки карателей «зажегся порохом». В результате сильного взрыва 14 человек погибли, 5 легко обожженных были арестованы ворвавшимися солдатами.

Инструкция сибирского губернатора князя Черкасского, приложенная к экстракту, высказывает подозрение об участии в волнении раскольников (пункт 4: «доискивать о приезжих раскольников»). Однако нет оснований считать волнения в Таре раскольничьим бунтом. Раскольников в Таре было мало. Единственная церковь была православной. Кроме того, в требованиях и допросах тарских жителей не упоминались раскольнические требования и протесты.

В той же инструкции сибирского губернатора князя Черкасского имеется более верное утверждение «что многим тарским жителям чинилось озлобление и тесноты» от начальных людей. Это и было основной причиной волнения городских верхов в далеком сибирском городе Таре.

* * *

Другое крупное волнение произошло в 1722 г. среди яицкого казачества. После подавления Булавинского восстания (1707—1708 гг.) основная масса беглых направлялась на Урал, в Сибирь и на р. Яик.

23 февраля 1722 г. правительством Петра I к казакам на Яик «для розыску» было приказано послать из Казани две роты драгун и солдат⁹ под командой полковника Захарова. Поводом для посылки отряда на Яик был «извет» яицкого казака Ивана Кармашева о произволе, взятках¹⁰ и убийствах неугодных казаков местными атаманами. Основной же причиной являлась невысылка с Яика беглых крестьян. В сенатском указе (23 августа 1722 г.) говорилось, что у яицких казаков находились «беглые крестьяне и солдаты, которые требуют себя с Яика отдачи»¹¹.

Виновные в удержании беглых должны были еще по прежнему сенатскому указу 1718 г. платить по 15 руб. за двор и по 20 руб. за холостого человека. В случае невозвращения виновные уплачивали за каждый крестьянский двор по 60 руб. и столько же за холостого. Кроме того, виновные в удержании беглых должны были подвергаться наказанию кнутом и ссылаться в каторжные работы «на урочные годы». С Яика беглых предписывалось доставлять в Казань «на своем коште» и там «разбирать их помещиками».

Против посланного ранее на Яик «для розыска» майора Войекова с 50 драгунами по приказу войскового атамана Ивана Щербакова выступил отряд в триста яицких казаков. Этот отряд под командой сотника Чувашеникова отряд Войекова «на Яик для розыску не пустил и против его с оружием и с пищальми, копиями и с бунчуки выступил».

Военная коллегия в связи с посылкой нового карательного отряда полковника Захарова вынесла решение, если и этот отряд на Яик не пустят, — усилить посылаемые военные отряды драгунским полком Денисова и одним пехотным полком¹².

Посылка карательного отряда полковника Захарова была вызвана не только отказом яицких казаков возвратить беглых. Яицкое казачество не подчинялось правительству и не выполняло приказ Военной коллегии об отправлении в низовой поход (в Персию) тысячи казаков. Яицкий войсковой круг ссылался на недостаток лошадей и провианта. Не был выполнен и второй приказ — о направлении в распоряжение фельдмаршала А. Д. Меншикова семисот яицких казаков. На этот раз они отговаривались своим «пожарным разорением».

⁹ ЦГАДА, Дела Сената по Военной коллегии, кн. 9/380, лл. 462—480.

¹⁰ Дьяк Сухарев, например, взял с атамана Меркулова «деньгами, харчем и рыбой» 200 руб., с казака Григорья Харитонов и других — 300 руб. и т. д. (ЦГАДА, Дела Сената по Военной коллегии, кн. 9/380, лл. 504—505).

¹¹ ЦГАДА, Дела Сената по Военной коллегии, кн. 9/380, лл. 463—464.

¹² Там же, л. 479.

Отряд Захарова прибыл в Яицкий городок 16 марта 1722 г., имея запас боевых припасов и провианта на пять месяцев. Яицкие казаки были приведены к присяге. Бывший атаман Иван Щербаков показал, что вооруженное сопротивление отряду майора Воейкова было оказано под воздействием станичного атамана Федора Рукавишникова, бывшего беглого с каторги, расстрелявшего за доносы некоторых казаков (Мордвинова и др.)¹³.

27 марта 1722 г. в Яицком городке войсковым атаманом Григорием Меркуловым был созван казачий круг. На нем резко выступили сотник Василий Азовский, казак Даниил Ларионов и другие, потребовавшие освобождения арестованного станичного атамана Федора Рукавишникова. Они требовали от войскового атамана «снятия атаманства». «Слыша их такие слова», Григорий Меркулов «вышел с кругу» и не без основания опасался от казаков «всякого худа и возмутительства к бунту»¹⁴.

Задержанные Григорием Меркуловым казаки Курочкин и Ларионов показали, что к ним 26 марта приходили представители яицких казаков Яков Егапов и Матвей Самаркин и говорили о необходимости требовать освобождения Федора Рукавишникова и других арестованных до войскового круга. В случае невыполнения этого требования они предлагали в ночь на 27 марта идти с оружием для освобождения арестованных и «как ево (Рукавишникова.— В. Л.) отобьют и потом присланных полковника и майора и офицеров побить для того, что войско разорили».

На созванном тайном собрании Яков Егапов, сотник Василий Азовский, Матвей Самарин, Даниил Ларионов, Дмитрий Чувашенинов, Василий Чебаков выбрали «с единомышленника» вместо войскового атамана Григория Меркулова «в атаманы Василия Урачинцева, на которого они с розыску показали, что хотят с ним быти в том умысле вообще, а учиня оной бунт бежать бы им на низ на море и искать для жития способного места»¹⁵.

Таким образом, яицкие казаки, связанные с бывшим беглым Федором Рукавишниковым, замышляли восстание и хотели уничтожить карательный отряд Захарова. Все это говорит о значительном числе беглых среди яицких казаков.

Федор Рукавишников за «лживую присягу и за побег с каторги и убийство казаков доносителей и за недопущение карательного отряда майора Воейкова» был присужден к казни путем четвертования. Далее последовали казни его сообщников.

Так было подавлено волнение яицкого казачества, которое, однако, сохраняло еще права и вольности войска до Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

В. И. Лебедев

¹³ Станичный атаман Федор Рукавишников «с розыску винился, что он бит кнутом в Преображенском приказе и попал на каторгу, а с каторги бежал и пришел на Яик». ЦГАДА, Дела Сената по Военной коллегии, кн. 9/380, л. 508 (экстракт).

¹⁴ Там же, лл 505—506.

¹⁵ Там же, л. 555.